

О. Н. ТРУБАЧЕВ

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ
ТЕРМИНОВ РОДСТВА

(и.-е.**ǵenə-*, слав. *rodъ*, *plemę*, **obytjo-*)

В предлагаемой статье мы рассмотрим некоторые индоевропейские основы, которые в славянских языках дали названия главных единиц семейно-родового устройства. Сравнительный анализ помогает определить древнейшие и более новые образования.

Несомненно, общиндоевропейским является корень **ǵen-* (**ǵene-*, **ǵenə-*), образующий во многих индоевропейских языках название рода, а также название действия [«рождать(ся)»]. Следы этого корня находим в др.-инд. *jānas* «род», *jānati* «рождает», ср. *janitā* «родитель, отец», *jñātis* «родственник»¹, лат. *genus, generis* «потомство, род»², сюда же *gigno, -ere* «рождать, производить», греч. γεννάω «рождать», γίγνομαι «делаться, становиться», γένος, -ους «род», готск. *kuni* «род, поколение»; ср. также производные в роли терминов родства: др.-исл. *kundr* «сын», нем. *Kind* «дитя», греч. γυνή «родственник, брат», γυνή «сестра», латыш. *znuōts* «зять»; сюда же и литовск. *gentis* «родственник» (*g* вместо *ž* под влиянием *gimti* «рождаться»), ср. лат. *gēns, gentis* «род, родня»³. Корень широко известен индоевропейским языкам. Отсутствие его в некоторых из них явилось, по-видимому, результатом определенных местных перемещений в словаре, в ходе которых за счет и.-е. **ǵen-* распространились другие основы, нередко тоже древние, индоевропейские, но употреблявшиеся ранее в иных значениях. Такова роль разбираемого ниже и.-е. **erad(h)-* и его разнообразных производных. Во всяком случае, отсутствие непосредственных рефлексов и.-е. **ǵen-* в некоторых индоевропейских языках (в частности, в славянских) не может рассматриваться как свидетельство того, что эти языки никогда не знали корня **ǵen-*.

Типичным для славянского и отличающим его от других индоевропейских языков, в том числе и от балтийских, является исключительное употребление в значениях «род, рождать(ся)» местных названий, ср. ст.-слав. *rodъ*, *rodити*. Это чисто славянское новшество, которое, однако, представляет собой в сущности лишь новое использование весьма древних индоевропейских морфем⁴. В славянском существует ряд слов, фо-

¹ См. С. С. Uhlenbeck, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache, Amsterdam, 1898/1899, стр. 96, 103.

² См. А. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2-e Aufl., Heidelberg, 1910, стр. 339.

³ См.: А. Walde — J. Pokorny, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd. I, Berlin — Leipzig, 1930, стр. 576 и сл.; А. Ernout et A. Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine, t. I, 3-e éd., Paris, 1951, стр. 481 и сл.; S. Feist, Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, 3-e Aufl., Leiden, 1939, стр. 316; А. Jóhannesson, Isländisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1952, стр. 330—331.

⁴ К сожалению, весьма чувствительный пробел в балтийском словаре отрицательно сказался на изучении этого слова, история которого до сих пор не вполне выяснена.

нетический облик которых близок к *родъ*, *родити*: русск. *радеть* «стараться», сербск. *рад* «работа», русск. *рад*, ст.-слав. *расти*. Сопоставим семантически более близкие *родъ*, *родити*: *расти*. Эти формы сравниваются с санскр. *ṛdhāti* «процветает, удается; совершает»¹, латыш. *rads* (= ст.-слав. *родъ*)²; форма с начальным плавным считается здесь исконной³.

Противоположная точка зрения наиболее ярко представлена А. Брюкнером⁴. Брюкнер справедливо указывает на отсутствие в известной работе Торбьернссона⁵ формы *-ord-*, к которой в итоге славянской метатезы плавных могут восходить формы с основой *rad-*. Брюкнер критикует также упомянутое место «Балто-славянского словаря» Траутмана, который выделяет целых шесть особых древних форм: *rada-* «рождение», *rada-* «радостный», *rādei* «для, ради», *radeiō* «заботиться», *rādītei* «показывать», *randō* «находить». Однако мысль о метатезе проведена Брюкнером недостаточно последовательно, он говорит лишь о слове *pad* < **arda-*, ср. имя 'Αρδύγαστ «Φιλόζενος» (VI в.) = *Radigost*.

Известную опору старой точке зрения о ст.-слав. *родъ*, балто-слав. **rada-* представляет специальный закон, выдвинутый Лиденом⁶, согласно которому в этом случае, как и в ряде других, в балто-славянском перед *r* выпало начальное неслоговое *ц*, т. е. **rada-* < **urada-*. Это дает возможность сравнить его с санскр. *vrādhant* «торчащий, выдающийся»⁷. С этим, однако, далеко не все согласны⁸. Вообще закон Лидена не принадлежит к числу вполне проверенных достижений сравнительного языкознания; так, отдельные случаи, на которые распространяли упомянутый закон, можно объяснить иначе⁹, в других случаях в том же положении *v* в славянском сохранилось (*спать* — ср. санскр. *vratām*)¹⁰. Далее, ст.-слав. *родъ* состоит в очевидном родстве с формами, не имеющими ничего общего с и.-е. **ueredh-*, **ueradh-*, из которого некоторые исследователи объясняют ст.-слав. *родъ*, *родити*¹¹, а именно: ср.-в.-нем. *art* «происхождение, род», нем. *Art* «вид, способ», которое Р. Мерингер¹² сопоставляет со ст.-слав. *родъ* «происхождение, род»; арм. *ordi* «сын», которое Х. Педерсен¹³ вслед за Видеманом сопоставляет со ст.-слав. *родъ*; сюда

¹ См. С. С. Ухленбек, указ. словарь, стр. 34.

² См. И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, стр. 195. Специально о латыш. *rads* «родственник», *radīt* «родить» см. K. Müllenbachs, *Latviešu valodas vārdnīca*, sēj. III, Riga, 1927—1929, стр. 462.

³ См. Р. Траутманн, *Baltisch-slavisches Wörterbuch*, Göttingen, 1923, стр. 234.

⁴ См. А. Брүкнер, *Wörter und Sachen*, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», begründet von A. Kuhn («Kuhn's Zeitschrift»), Bd. 45, Heft 2, 1912, стр. 108, примеч. 1; е го же, *Mythologische Thesen*, «Archiv für slavische Philologie», Bd. 40, 1926, стр. 12—14.

⁵ Т. Торбиörnссон, *Die gemeinslavische Liquidametathese*, Upsala: I—1901; II—1903.

⁶ E. Lidén, Ein baltisch-slavisches Anlautgesetz, в кн. «Göteborgs Högskolas Årsskrift», Bd. V, Göteborg, 1899.

⁷ См. также: К. Вругманн, *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Strassburg, 1904, стр. 108; W. Vondrák, *Vergleichende slavische Grammatik*, Bd. I, Göttingen, 1906, стр. 283.

⁸ См. необходимые библиографические сведения: А. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, т. II, М., 1914—1916, стр. 209.

⁹ Например, слав. *rota* «клятва, присяга» — не из **urota*: санскр. *vratām*, а из **rokti*: **rekti* (об этом подробнее см. в моей статье, печатающейся в сборнике статей в честь С. Младенова, в Софии).

¹⁰ См. А. Преображенский, указ. словарь, т. I, М., 1910—1914, стр. 100.

¹¹ См. А. Walde — J. Pokoňny, указ. словарь, Bd. I, стр. 289—290.

¹² R. Meringer, *Wörter und Sachen*, II, «Indogermanische Forschungen», Bd. XVII, Heft 1—2, стр. 123—124.

¹³ H. Pedersen, *Armenisch und die Nachbarsprachen*, «Kuhn's Zeitschrift», Bd. XXXIX, N. F. Bd. XIX, Heft 3, 1904, стр. 360.

же относят санскр. *rādhnōti* «выполняет, совершает» < **erdh-/*ordh-*, **redh-/*rodh-*; ср. также арм. *urju* (< **ordyu : ordi*) «пасынок»¹. Сюда же, по-видимому, следует отнести и хетск. *hardt-* ср. род «правнук (?); го-томок», и хетск. иероглифич. *hardt-* «праправнук»², с *h* ларингальным, т. е., возможно, из п.-е. **ardho-*.

Ср., далее, группу, близкую по значению к ст.-слав. раст \bar{x} (< **orstǫ*) и родственную ему в этимологическом отношении: др.-исл. *ordugr* «крутой, возвышенный»³, лат. *ardu-os*, ирл. *ard* «высокий, большой»⁴. Р. Фаукес объединяет вокруг п.-е. **rdh-uo-* (**erdh-uo-*) галльск. *ardu-*; ср. *Arduenna silva*, ирл. *ard*, валлийск. *ardd-* «высокий»⁵, сюда же лат. *arduus* «возвышающийся, высокий», лат. *arbor* «дерево», слав. **orstǫ* «расти» (**ordh-*, **ordh-tō*), тохарск. *Aorto* «вверх»⁶. Представленные индоевропейские формы правильно объясняются из **ardh-*, **arddh-*; лат. *arduus* точно соответствует п.-е. **ard(h)-uo-* (*a* перед гласным, как обычно, не оставляет следов, \check{d} индоевропейское > \check{a} южных индоевропейских языков, согласно Е. Куриловичу). Объясненное таким образом лат. *arduus* не может быть сооставлено с греч. $\alpha\rho\delta\acute{\alpha}\varsigma$ $\Phi\omicron\rho\delta\acute{\alpha}\varsigma$ ⁷, поскольку **ardh-* не соответствует **urdh-* греческого слова. Точно так же, видимо, следует отграничить от форм **ardh-* и все остальные формы, восходящие, как и греч. $\Phi\omicron\rho\delta\acute{\alpha}\varsigma$, санскр. *vr̥dhant*, к **urdh-*, **urdh-*.

После необходимых уточнений остается группа слов, близких в фонетическом и относительно близких в семантическом отношении. Очевидно, что значения ст.-слав. *rodъ*, арм. *ordi*, *urju* («сын, пасынок», хетск. *hardt-* «правнук, праправнук» представляют собой результат вторичного развития определенного первоначального значения, которое представилось удобным для такого развития. Это первоначальное значение, возможно, отражено в слав. **orstǫ*, ст.-слав. *раст \bar{x}* , *раст \bar{u}* , ср. лат. *arbor* «дерево», а также многочисленные примеры значений «высокий», «верх», которые можно понять как «выросшее, выросший» и т. п.⁸ Таким образом, считаем и.-е. **ardh-* и его рефлексы замкнутой самостоятельной группой слов с впадие закономерным развитием значений «расти//растить» > «рождать». А. Брюкнер, по-видимому, был довольно близок к истине, когда говорил, что *rodъ*, *roditi* означало первоначально «успех, процветание», «урожай, прибыль», «забота»⁹. Таким образом, ст.-слав. *rodъ*, *roditi* представляет собой результат вторичного развития значения и фонетической формы (**ordъ*, **orditi*).

После краткого рассмотрения истории нескольких терминов со значением «род, рождаться» в индоевропейском и славянском обратимся к очень интересному вопросу о сохранении следов и.-е. **ǵen-* «рождать(ся)» в славянских языках.

¹ См.: S. B u g g e, Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache «Kuhn's Zeitschrift», Bd. XXXII, N. F. Bd. XII, 1893, стр. 23; ег о ж е, Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache, «Indogermanische Forschungen», Bd. I, 1892, стр. 451.

² Формы приведены в словаре: J. F r i e d r i c h, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952—1954, стр. 61, 335.

³ См. S. B u g g e, Zur etymologischen Wortforschung, «Kuhn's Zeitschrift», Bd. XIX, Heft 6, 1870, стр. 402—403.

⁴ См. К. В r u g m a n n, указ. соч., стр. 521.

⁵ См. R. A. F o w k e s, The Phonology of Gaulish, «Language», vol. 16, № 4, 1940, стр. 295.

⁶ См. J. P o k o r n y, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Lief 4, Bern, 1950, стр. 339.

⁷ См. J. K u r y ł o w i c z, Études indo-européennes, I, Kraków, 1935, стр. 111.

⁸ Упомянувшееся выше ср.-в.-нем. *art* «происхождение, род» значило в др.-в.-нем. только пахота, *aratio* (< «выращивание»?); выяснение отношений этого корня к **ord-* «рождать» выходит за рамки настоящей работы.

⁹ А. В r ü s k n e r, указ. соч., стр. 12—14.

Согласно общепринятому мнению, давно ставшему одним из «общих мест» специальных исследований, славянские языки не обнаруживают следов этого корня (исследователи называют обычно только *zěť «зять»). Однако в некоторых славянских корнях как будто можно найти его рефлекс, хотя и в сильно завуалированном виде.

Русск. *зно́битъ* (и близкие формы *озно́б* «дрожь», *заяно́ба* «любовь, любимая») стоит совершенно обособленно в кругу русской и вообще славянской лексики¹. Попытки объяснения этого слова путем сопоставления его с другими славянскими словами неудачны: Миклошич² и Погодин³ сближают его с семантически близким *зъбнуть* «мерзнуть», причем Погодин предлагает совершенно невероятное *zъm-no-b-ī-ti (к *zima*), что можно без колебаний отбросить⁴. Этимология слова, таким образом, остается неясной. Вероятнее всего, это объясняется произошедшим в какую-то эпоху жизни слова резким сдвигом его значения. Современное, на наш взгляд, вторичное значение русск. *зно́битъ*: *меня знобит* «я испытываю дрожь от холода, простуды и т. п.» сменило какое-то первоначальное значение в этом, очевидно, древнем слове, для которого закономерно предположить первоначальную фонетическую форму *ǰnǒbh-. Эта форма хорошо объясняется как производная при помощи суффикса -bh- от и.-е. *ǰen- «рождать(ся)»: *ǰ(e)nǒbh- со значением «родной, родственник»; она вполне естественно была использована, например, для обозначения «мальчика (сына)» в псм. *Knabe*. Использование этого же производного для обозначения дрожи, простудной лихорадки, т. е. недуга, тоже в природе вещей. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из примеров древних табу: лихорадочная дрожь, воспринимавшаяся как действие злых сил, эвфемистически называлась «родная», «родственная». Таких эвфемизмов среди народных названий болезней известно много. Доводом в пользу приведенного предположения может служить факт употребления глагола *зно́бить* только в безличных конструкциях: *его знобит*, ср. порожденные теми же представлениями: *лихорадит*, *громом убило*.

В этой связи очень поучительна история слав. *zěbati и *zěbnǫti. Значение первого — «проращать, расти», ср. русск. (из ст.-слав.) *прозябати*⁵, сербск. *zěbati* с тем же значением, сюда же русск. *зять* «поле, вспаханное осенью для посева весной». Сравнение с лит. *žėmbėti* «проращать» показывает известную древность названных значений. В форме и.-е. *ǰembh-, которую обычно указывали как исходную (вариант *ǰebh-⁶ никогда не существовал, ср. ниже), мы опять-таки видим *ǰenbh-, *ǰenabh- (см. выше); развитие значений здесь совершенно очевидно: «рождаться, быть рожденным» > «проращать, давать ростки».

Русск. *зъбнуть* и родств.⁷, несомненно, того же происхождения, что и *zěbati. Их внешняя близость достаточно ясна: *зъбнуть* — форма с суффиксом -ну- (-nǫ-) от этой же глагольной основы. Менее выяснены смысловые отношения: *зъбнуть* «мерзнуть» — *прозябать* «расти». Значение «мерзнуть», несомненно, вторично, о чем говорят точные индоевропейские этимологические связи слова. Было бы неправильно разбивать

¹ См. А. Преображенский, указ. словарь, т. I, стр. 254.

² См. F. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886, стр. 401.

³ См. А. Л. Погодин, Следы корней-основ в славянских языках, Варшава, 1903, стр. 197.

⁴ Обстоятельная попытка реабилитации этого старого сближения предпринята в последнее время В. Махком [См. V. Maček, Česká a slovenská slovesa typu hanobiti (odvozená ze jmen na -oba), «Naše řeč», ročn. XXXVIII, seš. 7—8, 1955, стр. 207 и сл.].

⁵ См. А. Преображенский, указ. словарь, т. I, стр. 259—260.

⁶ См. там же.

⁷ См. там же, стр. 260.

это единое этимологически слово на два омонима, что чувствовал уже Миклошич¹. Искусственный характер поисков для *збнуть* «мерзнуть» «своей» этимологии очевиден². Вторичный перенос значений («мерзнуть») либо аналогичен переносу в случае с *знобитъ*, либо объясняется абстракцией от конкретного значения, связанного с земледелием: вспашка, посев в начале холодной поры, прорастание в холодную пору, «мерзнуть вообще», сербск. даже «бояться».

Наконец, сюда же слав. *zobъ*, *zub*, лит. *žambas* «край»: др.-исл. *kamb* «гребень»: санскр. *jāmbha-* «челюсть». Их обычно объясняли из **gombho-s* «зуб, орудие раздробления»³, однако вряд ли эта этимология может считаться точной. Нетрудно прежде всего заметить, что предположенное первоначальное значение совершенно не объясняет всех исторически засвидетельствованных значений; ср. лит. *žambas* «край», нем. *Kamm* и родств. «гребень». К тому же древнее индоевропейское название зуба широко известно в совершенно иной форме. Поэтому **gombho-s* точнее объясняется из **gon-bho-s* с вокализмом *o* к тому же **gen-* «рождать(ся)»: **gon-bho-s* «выросшее» > «выступ»; ср. значение «край» в литовском, «гребень» в германском, факультативное в некоторых индоевропейских диалектах — «зуб», вытеснившее старое название. Такое семантическое развитие имеет много близких аналогий; ср. выше примеры «расти» > «высокий». Ср. у Пр. Скарджюса⁴: лит. *žėmbėti* «прорастать»: *žambas* «край». На связь слав. *zobъ*, греч. *γῶφος*, санскр. *jāmbha-* с **gen-* через **gon-bho-s* указывал еще Герман Гюнтер⁵, но в его рассуждении известные нам отношения поставлены на голову: видя в греч. *γῶφ* «колено», *γῆυς* «подбородок» древнее значение «угол, изгиб», Гюнтер объясняет из последнего значение «род» как вторичное (!).

Наконец, ст.-слав. *zъbъ* «dilacerare»⁶ стоит в прямой связи со ст.-слав. *zъbъ* «зуб».

Общииндоевропейскому словарю известны на первый взгляд различные основы **gen-* «род, рождаться» и **gen-* «знать». Глубокие семантические различия, а также самостоятельное развитие обеих основ во всех индоевропейских языках побудили большинство лингвистов считать их случайными омонимами⁷. Соответственно этому обычно считалось, что балто-славянский язык совершенно утратил **genə*, **gnē-* «рождать(ся)», сохранив только **genə-*, **gnē-* «знать»⁸.

Однако почти полное тождество и.-е. **gen-I* и **gen-II* вплоть до отдельных форм служило постоянным источником сомнений в верности их разграничения. Сомнения эти высказывались неоднократно и с разных точек зрения. К. К. Уленбек⁹ считает вероятным для них общее древнейшее значение «мочь, быть в состоянии». Г. Гюнтер¹⁰ определенно видит в них

¹ F. Miklosich, указ. соч., стр. 400 и сл.

² См. А. Л. Погоди н, указ. соч., стр. 197 (там же дано: **zīm-b-non-ti k zima*).

³ А. Преображенский, указ. словарь, т. I, стр. 258; там же дана литература вопроса.

⁴ P. Skardžius, Lietuvių kalbos žodžių daryba, Vilnius, 1943, стр. 28.

⁵ H. Güntert, Weiteres zum Begriff «Winkel» im ursprünglichen Denken, «Wörter und Sachen», Bd. XI, 1928, стр. 124 и сл., 136.

⁶ См. F. Miklosich, указ. соч., стр. 400, (*zemb-1*).

⁷ Ср.: O. Bremer, Germanisches *ē*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. XI, 1886, стр. 277; S. Feist, указ. словарь, стр. 316—317; A. Walde—J. Pokorny, указ. словарь, Bd. I, стр. 578; J. Pokorny, указ. словарь, стр. 373—376.

⁸ См. A. Meillet, Les origines du vocabulaire slave, «Revue des études slaves», t. 5, 1925, стр. 6.

⁹ C. C. Uhlenbeck, указ. словарь, стр. 98.

¹⁰ H. Güntert, указ. соч., стр. 130 и сл. В омонимичности **gen-* I и **gen-II* сомневается А. Мартинет (см. A. Martinet, Non-Apophonic *o-vocalism* in Indo-European, «Word», vol. 9, № 3, 1953, стр. 258).

единую основу, исходя при этом, однако, из ошибочных оснований (см. выше). Подробно резюмирует состояние этого вопроса в литературе А. В. Исаченко¹, одновременно предлагающий на основании некоторых новых материалов оригинальное решение. А. В. Исаченко подчеркивает специальную заслугу Джорджа Томсона в установлении семантической близости понятий «знать» и «родиться»². Решающей при этом Исаченко считает вслед за Д. Томсоном близость понятий «знак», «имя» и «родство, род, родить». Томсон акцентирует тот факт, что член рода знает своих сородичей по родовому знаку. Соответственно этому и Исаченко обращает главное внимание на связь и.-е. **ġenos* «род» и **ġenə-mŋ* «родовой знак; члены рода, объединенные общим родовым знаком»³. В принципе не вызывает возражений мысль Исаченко о том, что «новейшие исследования в области родового устройства индоевропейцев показывают тесную как семантическую, так и материальную связь между понятиями «род» и «родовой знак»⁴. Вместе с тем значение, которое А. В. Исаченко придает именно понятию «родового знака» в генезисе значений «знать», представляется нам весьма преувеличенным. Выходит, что «знаю» (**ġnō-*) первоначально имело смысл: «знаю по родовому знаку».

Этот ход мыслей нельзя назвать удачным прежде всего потому, что он отнюдь не вытекает с необходимостью из известных фактов, которые говорят о происхождении значения «знать» и всех близких вторичных значений, включающих и названия родового знака, из значений «род, родиться» (в данном случае речь идет только о семантическом развитии индоевропейской основы **ġen-*, а не обо всех случаях происхождения разведения терминов «знать» в индоевропейских языках). В то же время мысль о первичности значения «родовой знак» ничем не поддерживается. Исторически несомненное существование таких знаков, понятно, само по себе ни к чему не обязывает при исследовании истории значения «знать». Несколько предвзято выглядит также стремление видеть в образованиях с *-men|mŋ*, более того — в самом суффиксе *-men|mŋ* древнее значение «знак»⁵. Во-первых, область применения *-men|mŋ* в индоевропейском несравненно шире; ср. несомненно древние, отнюдь не аналогические образования и.-е. **ġhei-mŋ* «зима», **sreŋ-mŋ* «поток»: греч. *ῥεῦμα*, франк. *Ström*, польск. *strumień*. Очевидно также, что слав. *znamę* «знак», «метка» имеет вторичное значение, если учесть древность типа *-men|mŋ*; ср. этимологически тождественное лат. *germen* «зародыш», а не «родовой знак», как известно, — из **gen-men* < **ġenə-mŋ*, типично отглагольного имени. Во-вторых, нет никаких оснований для поисков знаменательного значения у и.-е. **men|mŋ*, которое, несомненно, относится к числу древнейших словообразовательных формантов индоевропейского. Это так же бесполезно, как, например, видеть вместе с Г. Хиртом в суффиксальном оформлении и.-е. **ġenos*, род. падеж ед. числа **ġenosos* следы и.-е. *es-* «быть».

На основании вышесказанного нам представляется необходимым для выяснения реального генезиса значения «знать» указать, что между ним и значением «родиться» не стояли какие-либо названия «родового знака». Напротив, значение «знак» вторично, оно произведено в ряде случаев от основы с уже сложившимся значением «знать»; ср. слав. *znakъ*, лит.

¹ А. В. Исаченко, *Príspevok k štúdiu najstarších vrstiev základného slovného fondu slovanských jazykov*, «Studie a práce linguistické», I, Praha, 1954.

² G. Thomson, *Aeschylus and Athens*, London, 1950, стр. 429—430, примеч. 58.

³ А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 122.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 122.

*ženklas*¹. Значения «рождаться ∞ быть в родстве» и «знать» связаны непосредственно.

Об этом говорит интересная особенность словоупотребления, не случайно хорошо сохранившаяся в ряде индоевропейских языков. Так, наряду с упомянутым **ǵenə-* «знать» индоевропейские языки знают другой корень: **uoid-*; ср. греч. *οἶδα*, слав. *věděti* и родственные. Сравнение **ǵenə-* и **uoid-* показывает, что они не были синонимичны и имели четко разграниченные сферы употребления. Приведем несколько характерных примеров из разных индоевропейских языков и разных эпох. По-гречески в выражениях «знать человека» употреблялся обычно только глагол *γινώσκω*, продолжающий **ǵnō-*: *γινώσκεις τὸν Δύσχυδρα*, *γινώσκω τὸν ἄνδρα*, но не *οἶδα τὸν ἄνδρα*. Это последнее — греч. *οἶδα* — достаточно ясно обнаруживает «вещное» значение: «знаю что»². Это довольно последовательное употребление **ǵnō-* «знать» в указанной выше ситуации, не смешивавшаяся первоначально с употреблением **uoid-* «знать» в других ситуациях, прослеживается и в других индоевропейских языках, в том числе в современных. Так, известным правилом немецкого языка является словоупотребление, аналогичное греческому: *ich kenne den Menschen* «я знаю (этого) человека», где *kennen* восходит к тому же **ǵ(e)nō-*, что и *γινώσκω*. Немецкий, сохранивший очень употребительный рефлекс и.е. **uoid* — *wissen*, до сих пор использует *wissen* только в исконом «вещном» значении, а *kennen* — в описанных типичных ситуациях. В отдельных славянских языках также сохранились определенные сферы употребления рассматриваемых индоевропейских основ: польск. *znam tego człowieka*, но *wiem co mię czeka*, чешск. *znám tého člověka*, но *vím, co mě čeká*.

Нарушения отмеченного древнего разграничения в упомянутых языках в общем, насколько известно, происходили в порядке экспансии рефлексов **ǵen-*, **ǵnō-* «знать» в семантическом отношении за счет рефлексов **uoid-* в различных «вещных» значениях и употреблениях последнего, ср. нем. *ich kenne das Buch*. Вообще употребление рефлексов и.е. **uoid-* сокращалось в ряде индоевропейских языков — в одних незначительно, в других весьма последовательно, примером чего являются русский и английский с их абсолютным употреблением в обоих значениях, в первом — глагола *знать*, во втором — родственного *know*. Уже эти показания нескольких языков говорят о том, что мы имеем дело с закономерными отношениями.

Следует вывод: если и.е. **ǵenə-*, **ǵ(e)nō-* «знать» исконно употреблялось в индоевропейском только в словосочетаниях типа «знаю человека» (в отличие от **uoid-*), то в этом нужно видеть еще один, весьма веский довод в пользу этимологического происхождения **ǵen-* «знать» от **ǵen-* «рождать, рождаться, быть родственным». Примерное развитие значений: «быть родственным, единокровным (человеку)» > «знать (человека)». Таким образом, **ǵen-* II «знать» обозначало, по-видимому, знакомство между людьми первоначально как родовую, кровнородственную близость. Для большей ясности приведем один очень интересный санскритский пример, использованный в свое время В. Шульце³ для подкрепления мысли об этимологической связи санскр. *jñāti* «родственник» и *jñā* «знать» (к сожалению, без каких-либо дальнейших комментариев): *purusam upatāpinam*

¹ Повторяем, что это никак не ставит под вопрос существование и важность самих родовых знаков.

² В менее ясных случаях, где *οἶδα* как будто выступает в значении «знаю человека» (ср. *ᾔδεται αὐτὸν τεθνήκωτα* «знали, что он умер»), на самом деле представлена типично греческая конструкция с двумя винительными, выражающая прежде всего отношение *οἶδα* к факту, событию, а не к человеку непосредственно; «знали, что умер».

³ См. W. S c h u l z e, *Lesefrüchte*, «Kuhn's Zeitschrift», Bd. 63, 1936, стр. 113.

ĵnātayah paryupāsate jānāsi mām jānāsi māmīti «Вокруг смертельно больного человека сидят его родственники (*ĵnātayah*) и спрашивают его: „Узнаешь ты меня? Узнаешь ты меня? (*ĵnā*)“».

Рассмотренными формами, по-видимому, далеко не исчерпываются все следы и.е. **ġen* - в славянских языках. Назовем предположительно еще чешск. *paznak* «навзничь, на спину» (например, *uaznak*, *paaznak*, *bedostacno* ясно. Его членение: *pa-znak*; ср. польск. *wznak*, *paawznak*, *podg. eźznak*. Возможно, оно восходит к **ġ(e)nō-* в значении «спина, позвоночник», т. е. часть тела, а в конечном итоге — к **ġen-* «рождаться». По характеру распространения основы ср. нем. *Knochen* «кость» < **ġ(e)nō-k-*, ср.-в.-нем. *knoche*, которое мы также относим к **ġen-*. Подобное развитие значения ср. и.е. **ost-*, хеттск. *ḥāštai-* «кость»: хеттск. *ḥaš-* «производить, рождать». Толкование чешского слова *paznak* у И. Голуба — Ф. Копечного¹, которые сопоставляют его с др.-инд. *nākas* «небо», маловероятно. В то же время слав. *zveno*, русск. *звено*, которое Миккола² отнесил к греч. ζών «колени», по-видимому, сюда не относится и лучше объяснено А. Вайаном, возводящим его к *ġhu-s* «рыба», ср. русск. *звено рыбы*³. Однако рассмотрение этих следов **ġen-* в славянском относится уже к самостоятельной проблеме образования названий частей тела.

Остановимся теперь на некоторых общих терминах родственной, родовой организации, обозначающих различные виды родственных коллективов. Несмотря на то, что речь будет идти о категориях весьма древних, здесь также немало образований разновременных, отчасти поздних.

Слав. *plēte*: ст.-слав. *плѣма* «плѣра, семен»⁴, др.-русск. *плѣма*, *плѣма* «потомство; семья; родня; племя; колени; народ, род», *плѣменьникъ*, *плѣменьникъ* «родственник»⁵, русск. *племя*, словенск. *plēte*, *ēna* «1. Die Fortpflanzung eines Geschlechtes... 2. der Zeugungsstoff, der Same... 3. der Schlag, die Race»⁶ и др. Слово не имеет надежной этимологии, в чем нужно согласиться с А. Мейе⁷. Это объясняется, видимо, возможностью двоякого толкования его фонетического развития. Так, фонетически вполне приемлема древняя форма **pled-men-(dm > m)*, однако вполне законно предположить также и древнюю форму **ple-men-*. Признание большинством лингвистов⁸ формы **pled(h)-men-* объясняется стремлением сопоставить ее со слав. *plodъ* «плод», чему не препятствует ни фонетическая, ни смысловая сторона. Не лишне, однако, еще раз проверить сопоставляемый материал. И действительно, оказывается, что многие моменты в этом сопоставлении не учтены, учтенные же объяснены далеко не лучшим образом.

Известно, что образования на *-men-mŋ* в индоевропейском обычно являются отвлеченными отлагательными именами, для которых можно, как правило, указать соответствующие глаголы. Какой же глагол соответствует слав. **pled-me?*? Слав. **plediti* неизвестно, *ploditi* носит слишком

¹ См. J. Holub—F. Kopečný, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952, стр. 240.

² См. J. J. Mikkola, *Slavica*, «Indogermanische Forschungen», Bd. VI, Heft 5, 1896, стр. 351—352.

³ См. A. Vaillant, *L'ancien nom slave du «poisson»*, «Revue des études slaves», t. XVIII, 1938, стр. 246—248.

⁴ См. F. Miklosich, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae, 1862—1865, стр. 571.

⁵ См. И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. II, СПб., 1902, стб. 959—960.

⁶ M. Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar*, del II, Ljubljana, 1895, стр. 55.

⁷ A. Meillet, *Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, 2-e partie, Paris, 1905, стр. 424.

⁸ См. А. Преображенский, т. II, стр. 72 (там же основная литература). Ср. также J. J. Mikkola, *Urslavische Grammatik*, Teil II, Heidelberg, 1942, стр. 159: *plēte* из *pled-men* к *plodъ*.

очевидный поздний деноминативный характер. Приходим, таким образом, к исходному *plodъ*. Другие индоевропейские языки располагают близкими формами: ср. лат. *plēbēs, plēbs* «народные массы», форма происходит из **plē-dh¹*, которое лежит также в основе синонимического греч. *πληθος, πληθους* «масса, толпа». Слав. **plodъ*, вокализм которого, видимо, неисконен, восходит к **pledъ*, которое через **pledh-* близко подходит к названным выше словам. Эти формы **ple-dh-*, **plē-dh-* содержат корень **ple-*, который мы в согласии с теорией индоевропейского корня, развернутой Э. Бенвенистом², пойдем как вариант корня **pel-* в значении «производить, рождать»³ (ср. редуцированное **po-pel-os* в лат. *populus*⁴ «народ»), возможно также — «наполнять», что, однако, для нас здесь не имеет значения. Формант *-dh-*, как это четко сформулировал для массы примеров Э. Бенвенист в названной книге, является суффиксом, характеризующим достигнутое состояние. Таким образом, **ple-dh-* — это «те, кто произведен, рожден», древнее собирательное название крупного человеческого коллектива, первоначально — родственного объединения, затем перенесенное на широкое, политическое объединение, что более характерно для лат. *plebs*, греч. *πληθος*, семантическое развитие которых аналогично позднему слав. *narodъ*; кроме того, **ple-dh-* — это также «то, что родилось, произведено», почему оно оказалось удобным и для обозначения растительных плодов (слав. *plodъ*).

Возвращаясь теперь к слав. *plemę*, отметим, что сомнения в обязательности формы **pled-men-* усилились: отглагольные имена на *-men-* обычно образуются от чистой глагольной основы, вследствие чего гипотетическое **ple-dh-men-* (особенно, когда нам известна древняя роль **-dh-*) лишено смысла. Остается предположить, что более вероятной древней формой слав. *plemę* было **ple-men-*, именное производное от упоминавшегося выше **ple-/*pel-*.

Славянская основа **oby-tjo⁵*, проявляющаяся в ст.-слав. *обыць*, русск. диал. *обчий*, сербск. *обчи* и в представляющем иное значение польск. *obcy* «чужой», первоначально была реализована в слове, обозначавшем территориальную общественную единицу. Лучше всего это древнее значение сохранило чешск. *obec* ж. род «деревня, селение, населенный пункт», ср. также несущее на себе следы старославянского источника, но чрезвычайно характерное для старого экономического уклада русской деревни слово *община* «вид владения землей сообща». Сам институт общины скорее относится целиком к сфере экономической истории и мало дает для специально лингвистического исследования: с лингвистической точки зрения мы имеем дело, так сказать, с этимологически прозрачным словом. Известно, что **oby-tjo-* представляет собой производное с суффиксом *-tjo-* от предлога-приставки со значением места *ob-* (ср. русск. *об-*), вернее — его более полной формы *obi⁶*, сохранившейся в ряде славянских примеров (ст.-слав. *обьдо*, русск. *обиход* и др.). Роль суффикса *-tjo-(-ti-)* в общем ясна: он означает принадлежность, отношение к чему-либо, выраженному основой, оформленной суффиксом. Как же понимать значение оформленной таким образом основы **oby-ti-*? Нередко ограни-

¹ См.: A. Walde, указ. словарь, стр. 591; A. Ernout et A. Meillet, указ. словарь, стр. 909—910.

² См. E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en indo-européen*, Paris, 1935.

³ Ср. алб. *pjel* «производить, рождать» (G. Meyer, *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg, 1891, стр. 342).

⁴ A. Walde, указ. словарь, стр. 599.

⁵ См. A. Meillet, *Études...*, стр. 381.

⁶ См.: А. Преображенский, указ. словарь, т. I, стр. 633; A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, t. I, Lyon — Paris, 1950, стр. 218—219.

чиваются обобщением наиболее распространенных современных значений, полагая, таким образом, что **obъ-ti-* — это «общая собственность, общинная собственность»¹. Однако при этом возможно смещение в одну хронологическую плоскость весьма далеких друг от друга фактов. Хотя слово **obъ-ti* типично славянское новообразование, тем не менее оно достаточно старо, ср. его общеславянское распространение. Чтобы предположить существование реального значения «общая, общинная собственность» у славян времен их общности, надо быть уверенным в существовании уже тогда значения «частная собственность» и соответствующего ему института, ибо только такая четкая противопоставленность реальных отношений земельной собственности могла создать коррелятивную пару терминов в полном смысле слова. Все это, однако, очень сомнительно. В наиболее вероятных условиях родового устройства времен славянской общности не было надобности в специальном термине «общинная собственность», поскольку никакой другой собственности не было.

Проанализируем форму **obъ-ti-* со структурной, семантико-морфологической точки зрения. Слав. *ob-*, *obi-* обозначает движение по кругу («вокруг»), а также «круглое», причем последнее значение, как самостоятельное адъективное значение, естественно, выступает в соответствующем оформлении: ср. слав. *obъlъ* с суффиксом *-lъ*, чешск. *oblý* и др. «круглый». Аналогичное значение видим в другом именном производном — с суффиксом *-ti-*: **obъti-* «круглый, круглое». Что могло обозначать это образование?

Нам кажется не лишним вспомнить здесь о мнении ряда археологов и историков, считающих типичной для древних славян именно «круглую деревню» (нем. *Runddorf*), действительно, широко распространенную на древних славянских землях в бассейне Балтийского моря². Не случайно, по-видимому, что употребление формы, продолжающей слав. **obъti-* именно со значением «селение, деревня» — чешск. *obec*, совпадает с частью районов распространения «круглой деревни».

Слав. **obъti-* «круглое» могло быть, таким образом, использовано для обозначения круглого поселения у древних славян. Суффикс *-ti-*, использованный в этом производном, был особенно удобен, объединяя адъективные и собирательные функции. Нам представляется допустимым считать древнейшим именно это значение. Итак, в слав. **obъtъ* мы имеем своеобразный древний славянский термин общественного устройства. Значения «общий» и «чужой» (последнее представлено в польск. *obcy*) явились уже в результате вторичного развития. Имущественные, землевладельческие отношения выражены, собственно, только в производном с притяжательным суффиксом *-ina*: ст.-слав. *obъщина*, болг. *община*, серб. *обѣина*.

Таким образом, если слав. *rodъ*, *plemę* обозначали родственную группу в собственном смысле, то слав. *obъtjo-* служило первоначально, по-видимому, обозначением типичного раннеславянского поселения родственной группы.

¹ Ср. J. Holub—F. Koreň, указ. словарь, стр. 249.

² Ср. обобщение нужных сведений у Л. Нидерле (L. Niederle, *Rukovět' slovanských starožitností*, Praha, 1953, стр. 109, 347—350). Надо сказать, что сам Нидерле смотрел на теорию первичности «круглой деревни» у древних славян скептически, но из его материалов видно, что эта форма характерна для ряда старых славянских областей и, напротив, исчезает в областях позднейшего расселения (Восточная Европа и Балканы), где широко представлены уличный и разбросанный типы. Из других свидетельств о круглой деревне на древних славянских землях ср. J. Kostrzewski, *Wielkopolska w pradziejach*, Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 288—289 (дается указание на раннепоздновскую круглую деревню в Седлецине повята Яроцин); М. И. Семиряга (см. «Лужичане», М.—Л., 1955, стр. 93) приводит сообщение Э. Мюллера (E. Müller, *Das Wendentum in der Niederlausitz*, Kottbus, 1921, стр. 99) о том, что еще в последней четверти XIX в. в некоторых маленьких лужичских деревнях дома были расположены по замкнутому кругу.